

- подборка шестнадцатая -

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 18

Published and Copyrighted © 2012

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 18-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

14 швата 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)¹⁷⁹

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Два гоменташа

Подошло время Пурима. *Мегила* у нас была — в свое время я прислала ее в одной из посылок, а вот с остальными атрибутами праздника дела обстояли значительно хуже... К тому времени у меня оставалось еще немного пшеничной муки, и я испекла из нее два *гоменташа*. В тех условиях, в которых мы жили, подобные мелочи имели большое значение: они напоминали, что мы еще остаемся людьми, что мы — евреи, и наша жизнь не является просто монотонной чередой неотличимых друг от друга дней, есть некие высокие духовные вещи, к которым она, наша жизнь, имеет прямое отношение. Это позволяло ненадолго отвлечься от мыслей о том, что бóльшую часть времени мы сидим фактически на хлебе и воде, причем за водой еще надо тащиться по грязи к колодцу, а возле него всегда мокро, так что грязь там становится непролазной...

К нам зашел молодой человек из эвакуированных, вместе со своей соседкой, инженером по профессии, тоже эвакуированной. Он придерживался прокоммунистических взглядов, она же когда-то изучала идиш и интересовалась еврейством. В таком обществе мы провели Пурим.

Наши гости рассматривали испеченные мною *гоменташии* как нечто из разряда «предметов роскоши». К их зависти

¹⁷⁹ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

примешивалась также нотка привитого советской антирелигиозной пропагандой осуждения «пережитков прошлого».

Бас-Шева Альтгойз

Прошел Пурим, приближался Песах, а с ним — завершение пятилетнего срока ссылки мужа...

В один из дней я вышла утром за молоком и на улице увидела вдалеке молодую женщину, идущую мне навстречу. По ее внешности и одежде было ясно, что она не местная. В руке она держала чемодан. Подойдя ко мне, она спросила: «Вы ведь Хана, не так ли?» Я, конечно, удивилась неожиданному вопросу, но из дальнейших слов женщины выяснилось, что она — дочь Элиягу-Хаима¹⁸⁰ и приехала специально к нам.

Я не могла сразу повести ее домой, так как мне нужно было позаботиться о пропитании на ближайшие сутки, а с продуктами в Чиили дело обстояло так: стоило немного задержаться, и уже ничего невозможно было найти. Между тем, Бас-Шева провела в пути двое суток, что в тех условиях было серьезным испытанием. Все это время она просидела на жесткой скамье в переполненном вагоне, не сомкнув глаз ни на минуту. И теперь ей предстояло еще дожидаться меня, стоя посреди грязи, покрывавшей улицы Чиили, по которой она и так уже тащилась со станции больше километра... Она сильно устала и совершенно выбилась из сил. К счастью, мимо проходил соседский сын. Я попросила его проводить Бас-Шеву к нашему дому, а сама пошла за продуктами.

Вернувшись домой, я... не обнаружила там нашу гостью! Провожатый, видимо, завел ее куда-то не туда, и мне пришлось отправиться на поиски.

Перебирая все варианты в поисках выхода

Когда М. Рабин, о приезде которого я писала выше¹⁸¹, добрался до Алма-Аты, он вместе со своим старшим братом Гиршем начал рассказывать знакомым о поездке и — буквально со слезами на глазах — о нашем бедственном положении, убеждая срочно предпринять шаги для поиска выхода из сложившейся ситуации. Так как состояние нашего здоровья было плачевным, он предложил

¹⁸⁰ Речь идет о г-же Бас-Шеве Альтгойз. Ее рассказ о поездке в Чиили был опубликован, см.: «Толдойс Леви-Ицхок», часть 2, стр. 670 и далее. Отец ее — известный хасид, один из людей, близких к Ребе Раяцу, *восик* и *хосид* и т. д., рав Элиягу-Хаим бен Пинхос-Тодрос Альтгойз, да отомстит Всевышний за его кровь.

¹⁸¹ См. предыдущий выпуск «Воспоминаний».

найти людей, которые могли бы оформить документы, что нам разрешен выезд в Алма-Ату для лечения.

Перебрав все варианты, они в конце концов сумели добыть — ценой огромных усилий и немалых денег — все необходимые бумаги. Их передали надежным людям из числа наших добрых друзей. Некоторые из них внесли в общую сумму, потраченную на документы, десятки тысяч рублей — значительную часть того, чем они обладали! Решиться на такой поступок было для них, конечно, непросто...

Хотя документы были уже подписаны одним из руководителей здравоохранения республики, поручить их доставку можно было далеко не всякому. Да и не каждый взялся бы за такое дело — ведь посланца могли задержать и начать допрашивать. А если бы раскрылись все усилия, направленные на досрочное освобождение осужденного, это поставило бы под угрозу не только жизнь человека, везущего бумаги, но и жизнь того, кто их подписал, и всех тех, кто участвовал в этом деле! Это были не пустые страхи: люди, ездившие поездами, хорошо знали, что на некоторых станциях в вагоны заходят сотрудники НКВД и требуют, чтобы пассажиры предъявили содержимое своих чемоданов (понятно, что послушаться их в такой ситуации никто не мог). Увы, такая станция была и между Алма-Атой и Чиили.

Ради спасения человека готова на все

При обсуждении вопроса, что же делать с нашими бумагами, присутствовала и Бас-Шева Альтгойз. Услышав, о ком и о чем идет речь, она сказала, что готова взять документы и доставить их по назначению. Она попросила только о том, чтобы ее детей обеспечивали всем жизненно необходимым во время ее отсутствия. Бас-Шева работала на трикотажной фабрике, и если бы кто-то выполнял ее дневную норму, пока ее нет на работе, ей продолжала бы идти зарплата, которую можно было тратить на детей.

Затем Бас-Шева предложила план, как проделать все наилучшим образом. Братья Рабины и остальные участники обсуждения согласились с ним. Так как она работала бригадиром, ей удалось получить от директора фабрики официальный документ: она послана на закупку материалов для нужд предприятия. На время ее отсутствия руководить бригадой директор поставил другого работника.

Бас-Шева раскрыла директору истинную цель своей поездки, и он сказал, что имя моего мужа ему знакомо. Ради спасения такого человека, добавил директор, он и сам готов был бы без страха

встретить любую опасность. Тем не менее, он, естественно, просил, чтобы все делалось с соблюдением строжайшей конспирации. Это было важно для всех — и для спасателей, и для спасаемых.

Хотя все было оформлено как полагается, организаторов нашего переезда беспокоила возможность того, что власти решат назначить нам другое место проживания после окончания пятилетнего срока ссылки мужа. Чтобы избежать этого, был оформлен официальный запрос от «нашей дочери» (хотя дочери у нас никогда не было), в роли которой выступила жена Рабина. В подписанном ею документе говорилось, что у нее достаточно жилплощади, чтобы разместить там «Л. Шнеерсона с женой», а также имеется возможность обеспечить их едой и одеждой. Сами же они (то есть мы) позаботиться о себе не в состоянии, так как находимся в преклонном возрасте и работать не можем. На этот документ тоже требовалось наложить резолюцию в самых высших инстанциях — чтобы в организациях рангом ниже никто не смог чинить препятствий. Чтобы попасть в эти высокие кабинеты, нашим друзьям снова надо было платить большие суммы денег (порой это делали совершенно незнакомые нам люди), но в конце концов требуемое разрешение было получено. Такие крупные взятки приходилось платить потому, что мы собирались нарушить весьма строгий закон, недвусмысленно запрещающий свободное перемещение определенных категорий людей...

Необычайно тяжелые шесть недель

Итак, Бас-Шева Альтгойз приехала к нам со всеми этими ценными бумагами в надежде, что удастся решить все вопросы в течение пары недель — с таким расчетом, чтобы перед Песахом мы все вместе выехали в Алма-Ату. Однако дело осложнилось, и в итоге у нас ушло более шести недель на преодоление всех возникших препятствий.

По тогдашним законам даже обычным гражданам требовалось разрешение для переезда с места на место. Ссылным же вообще не разрешалось переселяться в сколь-нибудь крупные города, они имели право жить только в сельской местности. Поэтому нам предложили переехать в кишлак под Алма-Атой — то есть в точно такие же условия, как в Чиили! Проблема решилась с помощью тысячи рублей, присланной «родными братьями» телеграфным переводом. После того, как в самых жестких выражениях нам заявили, что мы не можем переехать в Алма-Ату, один из наших знакомых пошел и сделал нужному чиновнику «скромный подарок», - и наш переезд тут же сделался «кошерным»! Человек, который дал

деньги, попросил нас уехать как можно скорее: разрешению с печатью бюро пропусков не стоило слишком долго оставаться в Чили.

Обещанную бумагу мы получили в канун Песаха, однако, в силу каких-то причин, печать на ней смогли поставить уже в *холь га-моэд*...

То были необычайно тяжелые шесть недель! Все это время мы были охвачены смертельным страхом. Я видела, что муж просто не может дальше жить так, как мы жили прежде. Ему было крайне тяжело — как духовно, так и физически, в нем ощущался какой-то внутренний надлом.

Всю необходимую работу делали мы с Бас-Шевой — у мужа ни на что уже не было сил. В какие-то моменты в нем просыпалась прежняя энергия, но было видно, что это требует от него огромных усилий.

Последний Песак

В Кзыл-Орде Каляков¹⁸² позаботился о *маце шмуре* для нас и о мясе на Песах. За два дня до праздника Бас-Шева съездила туда и все привезла.

И вот мы стали справлять в нашей комнатке третий по счету Песах¹⁸³. Не хочу вдаваться в подробности, скажу лишь несколько слов.

Первый седер у нас прошел как полагается, а вот на следующий вечер моего мужа охватила такая слабость, что в два часа ночи нам пришлось вызвать врача. Причиной, по-видимому, явилась рыба, испортившаяся на нашей жарке. Мы все ее ели, но особенно сильное воздействие она оказала на его ослабленный организм.

Невозможно было спокойно наблюдать за его страданиями! Нужно было радоваться, так как мы стояли уже на пороге избавления, но подлинной радости не ощущалось — приходилось заставлять себя быть веселыми...

До самой последней минуты мы должны были держать предстоящий отъезд в тайне: в Чили находились и другие ссыльные, срок ссылки которых истекал, но они даже не мечтали об отъезде куда-нибудь в другое место. Конечно, для них этот вопрос не стоял настолько остро, как для нас (из-за крайне плохого состояния здоровья мужа), да и законного пути уехать у них все

¹⁸² См. о нем сноску 72 в 7-м выпуске «Воспоминаний».

¹⁸³ Из этой фразы можно сделать вывод, что между праздниками Песах 5701 (1941) и 5702 (1942) годов рабби Леви-Ицхок и ребецн Хана сменили квартиру, так что на этой они отмечали три Песаха: в 5702, 5703 и 5704 году (1942–1944 гг.).

равно не было, но, тем не менее, приготовления к отъезду мы совершали с предельной осторожностью, опасаясь «дурного глаза».